

А. А. Ашихмин

Исторические связи Тмутаракани и Чернигова*

Статья посвящена проблеме взаимосвязи Чернигова – одного из крупнейших городов Древней Руси, и Тмутаракани – земли, изучение которой до сих пор вызывает дискуссию. Сделала попытка определения причин складывания и развития отношений между этими двумя территориями в XI в. В этой связи рассмотрена современная историография истории Тмутаракани, влияние Рюриковичей на которую сейчас подвергнуто сомнению. Сделан вывод, что Тмутаракань сложно назвать лишь одним из уделов Чернигова: не всегда тмутараканские князья были назначенцами, беспрекословно подчиняющимися центру. В то же время между этими двумя городами существовала определенная связующая сила.

Ключевые слова: Чернигов, Тмутаракань, Древняя Русь.

В последнее время в историографии, посвященной Тмутаракани, возобладали скептическое направление по поводу власти русских князей в этом городе (Чхаидзе 2012; Кабанец 2005; Котляр 2001; Котляр 2005). Хотя во многом критика представителей этого подхода обоснована, со всеми положениями трудно согласиться. Данная работа предполагает обратиться к вопросу о взаимоотношениях Чернигова и Тмутаракани. Как отметил В. Н. Чхаидзе, эта тема на данный момент представляется наиболее интересной, что влечет за собой некоторые перегибы в интерпретации немногочисленных фактов (Чхаидзе 2012: 252). Хотя недавние события вновь обострили атмосферу вокруг истории Тмутаракани, стоит признать, что тень политической ангажированности всегда витала над этой темой. С одной стороны, это привлекает интерес к ней, с дру-

* Статья подготовлена в рамках выполнения работ по проекту СПбГУ «Россия–Новороссия–Крым: Исторические закономерности единства» шифр в ИАС НИД СПбГУ 5.38.265.2015.

гой – подталкивает исследователей к необоснованным гипотезам.

Пионером критичного подхода к существованию русской власти в Тмутаракани стал Н. Ф. Котляр. В серии статей ученый подвергнул сомнению возможность существования на берегу Керченского пролива типичного русского княжения. Прежде всего, исследователь подчеркнул, что Владимир в 988 г. сажает на столы наместников, а не князей, т. е. его сыновья имели менее значимый статус, чем это представляется большинству исследователей (Котляр 2005: 108).

Основная аргументация Н. Ф. Котляра заключается в том, что Тмутаракань находилась слишком далеко от основного массива русских земель, на территории иноплеменного населения. Историк подвергнул сомнению представление о том, что эта земля была «в достаточной мере “окняжена”», т. е. здесь вряд ли существовала необходимая система сбора дани, суда и администрации (Котляр 2001: 191-193). По мнению ученого Тмутаракань «вовсе не являлась княжеством, а лишь русским центром властвования в иноплеменной среде, наместник которого встречал постоянное вооруженное сопротивление местных жителей и правил окрестными землями сугубо насильственными методами» (Котляр 2005: 110-111).

При этом иллюстрацией данному тезису Н. Ф. Котляр считал события 1022 г. По его мнению, этот летописный отрывок освещает обычную практику тмутараканских князей по отношению к адыгским племенам. Мстислав, «возможно, в очередной раз» подавил восстание адыгов. Это известие также выступает аргументом против «идиллической картины» А. В. Гадло (Котляр 2001: 194; Котляр 2005: 111). Город имел лишь экономическое значение для русских князей. Наместник Тмутаракани существовал за счет транзитных пошлин с торговли (Котляр 2001: 193; Котляр 2005: 112).

Действительно, Тмутаракань находится как бы в стороне, и отделена от Руси «кочевническим морем», но подобное положение было и в случае с Ростовом, до которого еще Владимир Мономах, как известно, добирался с трудом (ПВЛ: 102; Кривошеев 1993: 26). Может ли близость других княжеских

столов быть аргументом для создания такого же на новом месте? По поводу постоянного вооруженного сопротивления местных жителей и сугубо насильственных методов можно сказать, что основаны они на обобщении единичных свидетельств. Действительно, у нас есть известие о походе Мстислава на касогов. К насильственным методам можно приписать взимание дани Ростиславом с окрестных народов. Эти сведения единственные за все время существования русской власти в Тмутаракани. Конечно, нельзя говорить, что там все было спокойно. Однако и преувеличивать степень напряженности тоже не стоит.

В какой-то степени, ответом на построения Н. Ф. Котляра можно считать работы С. А. Цыганкова. В частности, в одной из них исследователь попытался обосновать возможность существования на Таманском полуострове типичного русского княжества, хотя и имеющего свои особенности. Основываясь на концепции И. Я. Фроянова, С. А. Цыганков проследил историю Тмутаракани, отмечая, что, несмотря на отдаленность от остальных русских земель, политическое устройство города ничем не отличалось от остальных «городов-государств». При этом политическая жизнь в княжестве была довольно насыщенной: в городе существовали две группировки, которые постоянно боролись между собой и влияли на вакантность княжеского стола. Подробно автор рассмотрел и существование других институтов «города-государства» - князя и совета старейшин (Цыганков 2006).

В целом, ход мысли С. А. Цыганкова оказался в некотором роде развитием линии А. В. Гадло, с применением теории И. Я. Фроянова. Впрочем, как жестко отметил В. Н. Чхаидзе, С. А. Цыганков довел ее до абсурда (Чхаидзе 2012: 253). К сожалению, во многом такая оценка справедлива. Зачастую, построения его ничем не подтверждены и основаны на шаткой аналогии с центрами в самой Руси. В частности, в отношении политической борьбы в городе он смело утверждает, что в городе существовали «два традиционных направления»: «черниговское» и «сепаратистское», которые, однако, были лояльны Киеву. При этом он описывает подробности их борьбы после

смерти Ростислава Владимировича, которые ничем не подтверждены, кроме как допущением, что эта самая борьба велась внутри веча (Цыганков 2006: 118-119). В целом, практически каждое утверждение С. А. Цыганкова довольно сомнительно и основано на допущении, что Тмутаракань являлась русским городом, как по населению, так и по устройству. Таким образом, некоторые интересные мысли, высказанные им, оказались дискредитированы излишне смелыми построениями.

Отчасти позицию Н. Ф. Котляра принял В. Н. Чхаидзе. При этом он обрушился с критикой на С. А. Цыганкова. Например, он вслед за украинским коллегой восклицает, что в источниках Тмутаракань никогда не упоминалась как княжество, но только как «град» или «остров» (Чхаидзе 2006: 142; Чхаидзе 2012: 253). Однако данное утверждение (Тмутаракань в тексте — только город) отчасти верно и по отношению к Киевскому, Черниговскому и другим княжествам. В Повести временных лет термины «княжество» и «княжение» не употребляются совсем (Горский 2006: 9), что не означает, что не существовало отдельных земель-княжений с округой.

Кроме того, исследователь подчеркнул тот факт, что некоторые князья назначались в Тмутаракань как наместники. А те изгои, которые устанавливали свою власть самостоятельно, не признавались легитимными в Киеве или Чернигове (Чхаидзе 2012: 253, 259). В данном случае не ясно, на каких данных основывается этот тезис. При этом ученый ранее подверг критике теорию А. В. Гадло, отмечая гипотетичность его «зыбких утверждений», зачастую не имеющих опоры в источниках (Чхаидзе 2012: 252).

Здесь стоит отметить, что из семи известных нам правителей Тмутаракани (если учесть, что Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич выступали вместе) только четверо были назначены (Мстислав Владимирович, Глеб и Роман Святославичи, а также Ратибор). Причем Мстислав и Роман некоторое время действовали самостоятельно и не подчинялись центру, а Ратибор вообще не принадлежал к Рюриковичам. В свете это-

го сложно говорить о том, что Тмутаракань была лишь объектом власти черниговских или киевских князей.

Вопрос о легитимности князей-изгоев вряд ли применим к ситуации Древней Руси XI в. Конечно, Ростислав вряд ли имел какие-то обоснования своего захвата Тмутаракани, но после неудачной попытки Святослава вернуть стол Глебу на его княжение никто не покушался. Сложно говорить об отношении черниговского или киевского князя к этому князю-изгою, однако можно проследить лояльную настроенность летописца, который составил некролог для Ростислава.

Роман и Олег после смерти своего отца тоже формально стали изгоями, хотя прямых свидетельств их неприятия Всеволодом или Владимиром мы тоже не знаем. У нас есть известие об убийстве Романа половцами после их сговора с Всеволодом. Однако арест Олега, который также традиционно приписывается Всеволоду (Гадло 2004: 282-283), вполне мог произойти по самостоятельной инициативе жителей Тмутаракани, что в некотором роде даже говорит в пользу утверждения В. Н. Чхаидзе об их лояльности к метрополии (Чхаидзе 2012: 262, 263).

Наконец остаются изгои Давыд и Володарь, которые, так же как и Ростислав, не имели на Тмутаракань почти никаких прав, по сравнению с Романом или Олегом. Известия об их непродолжительном правлении на этом острове весьма скудны, поэтому сложно говорить об их непризнании старшими князьями. Хотя, если вспомнить захват Олешья Давыдом в 1084 г. через несколько лет после Тмутаракани, можно сказать, что Всеволод действительно не признавал смещения Ратибора. Ведь после этого рейда в устье Днепра Всеволод пошел на контакт и пожаловал Дорогобуж, а потом и Владимир-Волынский (Гадло 2004: 285-286; ПВЛ: 87). Однако это непризнание вряд ли волновало как князей-соправителей, так и их подданных.

При этом Тмутаракань являлась сферой интересов, прежде всего, Чернигова, хотя утверждение власти русских князей здесь было совершено Владимиром Святославичем. После него внимание к Тмутаракани в Киеве проявил лишь Всево-

лод, который сделал Ратибора ее наместником. Впрочем, можно предположить, что сделал он это как черниговский князь.

Хотя В. Н. Чаидзе все-таки довольно осторожно оценивает продолжительность существования русской власти в Тмутаракани, предполагая наиболее вероятным вариант – 80-е годы X – 90-е годы XI вв., а также границы княжества: по его мнению, оно охватывало только современный Таманский полуостров. Основываясь на данных археологии, ученый заявляет о незначительном количестве славянского элемента в населении города, а также о сильном влиянии Византии. Кроме того, исследователь подробно разбирает конкретные вопросы по истории города. В целом, Тмутаракань, по мнению В. Н. Чаидзе, – «эфемерное государственное образование, в котором очень многое зависело от политики Византии, рассматривавшей город как свое владение» (Гадло 2004: 265).

Таким образом, получается, что Тмутаракань в историографии «отдаляется» от Руси, превращаясь лишь в пункт экономических интересов, который довольно быстро вышел за пределы возможностей влияния на него. И случилось это из-за действий Византии, которая во второй половине XI в. укрепила и расширила свои позиции на северных берегах Черного моря. Между тем, все-таки некоторая более тесная связь между Тмутараканью и Русью, а точнее – Черниговом, существовала.

Сложно говорить о глубинных предпосылках образования связи Чернигов-Тмутаракань до 1024 г. До этой даты и тот, и другая упоминаются в летописи лишь единожды. При этом даты этих упоминаний весьма условны: Чернигов стоит в ряду городов-получателей дани в договоре 907 г., а Тмутаракань в 988 г. получила наместника Мстислава Владимировича (ПВЛ: 17, 54).

Обстоятельства складывания их отношений относятся ко времени усобицы между сыновьями Владимира Святославича. В 1023 г. из Тмутаракани выдвинулся Мстислав и направился к Киеву, но «не прияша его кыяне». Тогда он отошел к Чернигову, где и сел на столе (ПВЛ: 64-65).

Этот город на берегу Десны был одним из основных центров Русской земли. Вполне очевидным является стремление его жителей иметь своего управителя. И таким же ясным видится желание Мстислава утвердиться в таком крупном городе. Однако мотивы его все-таки менее очевидны. Деконструкция летописного текста, довольно часто применяемая в последнее время (Данилевский 2004), заставляет предположить, что нечто подобное (а именно: преобразование или приписывание элементов библейского и других повествований в летописное) могло произойти и с фигурой Мстислава. Тем более что его типичная «дружинность» и прочее уже отмечались историками ранее (например: Котляр 2000: 136, 140, 141). Вполне возможно, что часть своей личности летописный Мстислав взял у библейского персонажа или фольклорного героя.

Тем не менее, если остаться в рамках известного нам текста, можно признать, что Мстислав решил довольствоваться лишь половиной Руси. При этом его действия для дальнейшей истории имели следствием то, что, во-первых, он стал первым известным князем Чернигова, а во-вторых, связал с Черниговом Тмутаракань, что важно для нашего исследования.

Таким образом, образование связи между этими двумя городами стало возможным благодаря стечению обстоятельств: с одной стороны тмутараканский князь, желающий увеличить свои владения, с другой — крупный город, стремившийся получить своего правителя.

Загадкой до сих пор остаются последующие годы, вплоть до 1054 г. (или даже до 1066 г.). Наиболее вероятным является факт сохранения Тмутаракани под властью Мстислава с последующим ее переходом после его смерти к Ярославу. После смерти последнего же она вместе с некоторыми другими владениями Мстислава перешла Святославу Ярославичу. Хотя высказывались идеи о независимой Тмутаракани даже после 1024 г. или после 1036 г. (Мавродин 1945: 361), такое развитие событий довольно сомнительно. По крайней мере, источники этого не предполагают. Повествование адыгейских преданий

вряд ли возможно применить к середине XI в., как это сделал Ш. Б. Ногмов (Ногмов 1994: 101-103).

В 1064 г. в Тмутаракань «бежа» Ростислав Владимирович, внук Ярослава Мудрого. Скорее всего, отправной точкой для Ростислава был Новгород, как это отмечено в Тверской и Воскресенской летописях. По крайней мере, в тексте говорится, что с ним были Порей и Вышата, сын новгородского посадника Остромира (ПВЛ: 71, 492; Фроянов, Дворниченко 1988: 159; Чхаидзе 2012: 261).

В это время в Тмутаракани княжил Глеб Святославич. Сведений о начале его правления нет. Вероятно, он был отправлен еще ребенком на кормление сразу после смерти Ярослава, когда Святослав Ярославич получил во владение Черниговскую землю, включая Тмутаракань (Артамонов 1962: 440; Гадло 2004: 266; Чхаидзе 2012: 260).

Приход Ростислава на берег Керченского пролива вынудил Глеба Святославича покинуть город. На его место садится двоюродный брат (ПВЛ: 71). Данное событие примечательно тем, что Ростислав, хотя и отправился с видными людьми Новгорода, не мог обладать достаточно большой военной силой, чтобы заставить Глеба уйти из Тмутаракани. Это означает, что в самом городе были силы, которые поддержали изгоя. Более того, вполне вероятно, что именно эти силы и привели Ростислава из далекого Новгорода в Южное Приазовье.

Это и дальнейшие события, связанные с Ростиславом и Глебом, позволяют говорить нам о неоднородности политических настроений в Тмутаракани. Вряд ли можно согласиться с В. Н. Чхаидзе, который отрицал существование каких-либо политических группировок в городе (Чхаидзе 2012: 253). В дальнейшем деятельность различных политических сил в Тмутаракани будет проявляться довольно ясно (Артамонов 1962: 440-444; Гадло 2004: 266, 275, 282-284; Цыганков 2006: 118-119).

На следующий год (1065 г.) против Ростислава выступил «стрый» Святослав. И племянник покинул Тмутаракань, как пишет летописец, лишь из уважения к своему дяде, а не из-за страха перед ним. Святослав восстанавливает Глеба на княже-

ском столе и уходит обратно из города. Но пиетет к дяде не помешал Ростиславу довольно быстро расправиться с двоюродным братом: Глеб в очередной раз возвратился из Тмутаракани в Чернигов. Ростислав окончательно утвердился на берегу Керченского пролива (ПВЛ: 71).

В 1066 г. бывший изгой собирает дань у касогов и «инех стран». По свидетельству летописца это встревожило греков, и они отправили к Ростиславу херсонского чиновника – катопана. Последний вошел в доверие к тмутараканскому князю и на пиру, испив половину чаши с вином, предложил допить Ростиславу. При этом, как сообщает летописец, греческий чиновник коснулся концом пальца вина, тем самым растворив спрятанный яд. Ростислав испил чашу до дна. После этого катопан отправился назад в Херсон. Через неделю, по прибытии, он сообщил корсунянам, что в этот день погибнет князь Тмутаракани, что и случилось. Примечательно, что в ответ на действия катопана жители Херсона побили отравителя камнями (ПВЛ: 72).

События, произошедшие в Тмутаракани в 1066 г., трактуются по-разному. Но в целом, все исследователи согласны с тем, что Византия начинает восстанавливать свои позиции в Северном Причерноморье. Об этом свидетельствуют печати «стратига Херсонеса и Сугдеи» Льва Алиатта и протоспафария и стратига Боспора Аркадия (Кабанец 2005: 123; Левченко 1956: 402-403; Майко 2010: 47; Чхаидзе 2012: 254).

Насчет восстания корсунян существуют разные мнения: М. В. Левченко сомневается в самом факте этого события (так как в византийских источниках нет известий), не принимая отравление Ростислава как его причину (Левченко 1956: 405); А. Л. Якобсон предположил, что восстание было направлено, прежде всего, против центральной власти империи, а убийство Ростислава стало лишь поводом (Якобсон 1950: 20-23).

Вполне вероятно, что известие о казни катопана корсунскими людьми было составлено монахом Никоном, автором Летописного свода 1073 г. и, по мнению М. Д. Присёлкова, бывшего митрополита Иллариона. Если учитывать предполо-

жение ученого, то становится понятной антигреческая направленность его сообщений (Присёлков 2003: 104-105).

С Никоном связаны перипетии церковной истории Тмутаракани. Как известно, он основал вблизи города монастырь, который был во всем подобен киевскому, по словам автора жития Феодосия Печерского (Житие: 342). Кроме того, нам известно о существовании здесь русской епархии, одним из епископов которой был выходец из того же монастыря – Николай. Е. П. Кабанец, подробно рассмотревший вопрос церковных отношений в Тмутаракани, убедительно доказывает, что Николай был выдвинут не русской митрополией, а патриаршим синодом, который таким образом хотел получить лояльного архиерея, связанного с русскими в Тмутаракани. Помимо прочего, Е. П. Кабанец отметил, что, несмотря на то, что город принадлежал непосредственно константинопольской патриархии (через, собственно, местную автокефальную епископию), здесь проживали славяне, подданные русского митрополита. Также не стоит забывать козар-иудеев, и, возможно, некоторое количество язычников. Все это накладывало отпечаток на отношения не только между священнослужителями, но и их паствой (Кабанец 2005: 105-126). Можно предположить, что политические группировки в Тмутаракани могли быть оформлены через религиозные общины.

Однако от историков полностью скрыты подробности политической борьбы, что позволяет некоторым исследователям сомневаться в существовании здесь разнообразных политических групп (Чхаидзе 2012: 253), а другим строить догадки о деталях их столкновений (Цыганков 2006: 118-119). Тем не менее, результаты этой борьбы мы можем наблюдать. В частности, после смерти Ростислава, по свидетельству жития Феодосия Печерского, жители Тмутаракани уговорили пребывавшего здесь Никона отправиться к Святославу в Чернигов просить вернуть на престол своего возможного вскормленника – Глеба. Никон успешно выполнил просьбу: старший Святославич вновь стал князем этой отдаленной области (Житие: 342). И, в очередной раз, ненадолго: уже в 1069 г. он княжил в Новгороде (ПСРЛ. Т. 3: 17). Действия жителей Тмутаракани

налицо. Хотя мы и не можем сказать, были ли эти действия единодушными или исходили лишь от части тмутараканцев.

После событий 1060-х гг. Тмутаракань вновь обращает на себя внимание летописца в 1077 г. В этот год сюда бежал Борис Вячеславич. Его отец, смоленский князь, умер в 1057 г., и Смоленск был передан старшими Ярославичами брату Игорю. Об изгое Борисе до 1077 г. известий нет. Тем не менее, неожиданно он становится князем в Чернигове. Происходит это 4 мая, сразу после отправления Всеволода из Киева в поход против Изяслава (ПВЛ: 85).

Восемь дней продолжалось правление Бориса, после чего он бежал в Тмутаракань, где княжил Роман Святославич. Тем временем Всеволод и Изяслав, сойдясь на Воляни, помирились: Изяслав 15 июля вернулся в Киев, а Всеволод занял бывшее владение Святослава – Чернигов. При этом здесь при Всеволоде находился Олег Святославич, как сказано в Поучении Владимира Мономаха, «из Володимера выведен» (ПВЛ: 102).

На следующий год, 10 апреля, Олег также бежал в Тмутаракань. Здесь же сообщается об убийстве в Заволочье его брата – Глеба, которого изгнали ранее из Новгорода, где князем стал Святополк Изяславич (ПВЛ: 85). Таким образом, Святославичи утратили почти все свои княжеские столы. Это вынудило их начать действия по завоеванию волостей, прежде всего, Чернигова.

Олег и Борис наняли половцев и отправились против Всеволода. Последний выступил навстречу, и 25 августа произошла кровопролитная битва на р. Сожице. Победили половцы, причем, как отметил летописец, погибли многие знатные люди того времени. Олег и Борис же, утвердились в Чернигове. Всеволод отправился к Изяславу, который утешил брата и пообещал помочь. Ярославичи выступили вместе со своими старшими сыновьями. Когда они подошли к Чернигову, Олега и Бориса в городе не оказалось. Но черниговцы не пустили коалицию. Началась осада, которая почти закончилась победой. Однако к этому времени вернулись мятежные князья. Несмотря на численное превосходство противников, они начали

сражение у Нежатиной Нивы под Черниговом, хотя Олег тщетно пытался уговорить Бориса пойти на переговоры. Битва произошла 3 октября. В результате «злой сечи» погибли Борис и Изяслав. Олег с малой дружиной смог уйти к Роману (ПВЛ: 85-86).

Не вдаваясь в подоплеку отношений Чернигова и Киева в 1070-е гг., определим роль Тмутаракани в этих событиях. В целом, это действительно «пристанище для униженных и оскорбленных» (Присёлков 2003: 89). На данном этапе этот город пока никак не проявляет свою политическую активность. Насколько можно судить по данным летописи, с Тмутараканью, вероятно, уже тогда контактировали половцы, которых и наняли Олег и Борис. ПВЛ ничего не говорит об участии касогов и даже козар в данном походе. А. В. Гадло объяснял это сложной политической обстановкой в городе: местное население не желало участвовать в междоусобицах русских князей, стремясь освободиться от власти Чернигова (Гадло 2004: 281).

Однако поражение не остановило Святославичей, и в 1079 г. уже Роман отправился на Переяславль. Но дошел он только до приграничного города Воиня. Всеволод вышел на встречу и у Переяславля заключил мир с половцами. Тогда мятежный племянник был вынужден повернуть назад, но в Тмутаракань он не вернулся: еще в пути его убили кочевники. В это же время на берегу Керченского пролива арестовали Олега и отправили в Константинополь. Всеволод посадил во вновь приобретенном городе своего посадника – Ратибора (ПВЛ: 87).

В результате междоусобиц конца 1070-х гг. последний Ярославич расправился со своими племянниками. Их княжения перешли под его власть. Тмутаракань вновь стала подчиняться Киеву, как это было еще при отце Мстислава. Интересно, что такое положение не устраивало жителей Тмутаракани.

Вполне возможно, что они как раз желали установления нормальных связей с Черниговом. Вероятно, поэтому они, хотя и не участвовали лично в походе Олега и Бориса, могли поспособствовать соглашению с половцами. Однако изгои не

оправдали надежд. Через год это же попытался сделать Роман, но и теперь не удалось установить связь с Черниговом. На этот случай козары договорились с кочевниками, что последние убьют Романа. А сами тмутараканцы расправятся с Олегом. На это указывает текст летописи под 1083 г.: когда Святославич вернулся в Тмутаракань, он перебил тех козар, которые были повинны в смерти брата и его пленении (ПВЛ: 87).

Таким образом, козары показали свою лояльность Чернигову и могли рассчитывать на какие-то льготы в торговле. Однако Всеволод воспринял такое поведение по-своему и назначил посадника в Тмутаракань. Эта мера не могла понравиться ее жителям. Поэтому они приглашают к себе двух других изгоев – Давыда Игоревича и Володаря Ростиславича, которые свергли Ратибора и стали князьями Тмутаракани (ПВЛ: 87).

Возможность княжения здесь сразу двух Рюриковичей можно объяснить тем, что основным их доходом были торговые пошлины, налоги, собираемые с местного населения, а также, вероятно, дань с касогов. Их вполне можно поделить поровну, если между князьями не было какого-то соглашения. Давыд и Володарь могли вместе выполнять свои функции, не препираясь, по поводу их разграничения. К их задачам можно отнести защиту от внешних угроз, контроль над внутренней ситуацией в городе и, возможно, суд (Фроянов 1980: 38-39).

Такое положение могло бы сохраняться довольно долго, но здесь ярко проявился внешний фактор. Олег, отправленный в Константинополь, а потом на Родос, как нам известно из «Хождения игумена Даниила», в 1083 г. вернулся в Тмутаракань и «переехал» власть у своих двоюродных братьев, арестовав их, хотя позже и отпустил. При этом, как уже говорилось выше, Олег расправился над своими противниками в городе (ПВЛ: 87).

Такой поворот событий объясняется обстоятельствами византийской истории. В 1081 г. императором Византии и основателем новой династии стал Алексей I Комнин. Сложная внешнеполитическая ситуация, а также курс на привлечение разных изгоев из соседних государств, предопределили осво-

бождение Олега, а также его вероятную женитьбу на аристократке Феофане Музалон. Император использовал Святославича, чтобы получить доступ к расположенным на территории расселения касогов нефтяным источникам, о существовании которых было известно еще в X в. Константину Багрянородному (Константин 1991: 273; Литаврин 2000: 286).

Это обстоятельство косвенно может подтвердить подчинение касогов Тмутаракани, так как экспорт зихской (касожской) нефти шел именно через этот город, где около десяти лет правил Олег (Литаврин 2000: 286). Также, как отмечал А. В. Гадло, наличие здесь своего правителя могло дать большие преимущества для воздействия на соседние образования, в том числе и Русь (Гадло 2004: 286).

Вероятно, Алексей дал мужу знатной аристократки некоторое количество войск, хотя, не исключено, что это могли быть и простые добровольцы. Тем не менее, в Тмутаракань Святославич возвратился с серьезной силой, против которой не смогли выступить Давид и Володарь. Нельзя опускать и возможность существования в городе некоторого лояльного Олегу элемента, которого не устраивали «дуумвиры».

Впрочем, существует и мнение о сомнительности женитьбы Олега и Феофаны (Чхаидзе 2007). Кроме того, вполне можно опустить предположение о помощи Византии Олегу в захвате Тмутаракани. Ведь Ростислав, а также Володарь с Давидом вполне успешно устанавливали свою власть (Ростислав дважды) безо всякой помощи империи. Следствием этой интерпретации можно считать, во-первых, существование политических группировок внутри Тмутаракани, которые пытались влиять на власть, во-вторых, преуменьшение возможной власти и влияния Византии на Олега и Тмутаракань. Тем не менее, дальнейший переход последней во власть империи после его ухода представляется наиболее вероятным развитием событий.

Сев на княжеский стол в Тмутаракани новый правитель, не принял никаких мер для возвращения своей отчины – Чернигова. Однако, как полагают исследователи, Святославич после утверждения на берегу Керченского пролива не упустил

возможности «насолить» Всеволоду. Вполне вероятно, что Олег вынудил плененных Давыда и Володаря выполнить некоторые обязательства взамен на освобождение. В летописи под 1085 г. говорится о том, что двое Ростиславичей боролись с Ярополком Изяславичем, в дальнейшем эта борьба продолжилась. Кроме того, известно, что Давыд в том же году разграбил купцов в Олешье, чем заставил Всеволода дать ему в княжение Дорогобуж (ПВЛ: 87). Все эти события вполне подтверждают гипотезу о союзе этих двух изгоев с Олегом (Гадло 2004: 285-286). Однако далее, в течение своего 10-летнего княжения в Тмутаракани, Святославич не участвует в политике.

Здесь возникает вопрос: чем являлась Тмутаракань по отношению к остальной Руси в этот период? В историографии существует мнение, согласно которому город на берегу Керченского пролива окончательно перешел под власть Византии (Литаврин 2000: 289; Чхаидзе 2006: 153; Чхаидзе 2012: 265).

Формально, в 1083 г. произошла лишь смена князя (князей). Если бы этот город, находился на берегу р. Остёр или на месте Рязани, то можно было бы утверждать, что Тмутараканская земля стала самостоятельной волостью, независимой от Киева, подобно Чернигову, Новгороду и другим (Фроянов, Дворниченко 1988: 266-267). Однако Тмутаракань располагалась вдали от расселения восточных славян и имела полиэтничное население. Кроме того, здесь было довольно сильное влияние Византии (Чхаидзе 2011: 317-318).

С другой стороны, вполне возможно, что мнение о самостоятельности Тмутаракани недалеко от истины. Факт чеканки монет Олегом (в крещении – Михаилом), а также вероятное экономическое возрождение города в конце XI в., и, по мнению А. В. Гадло, направление сюда епископа Николая свидетельствуют об относительно независимом положении Олега и его земли (Гадло 2004: 287-289).

Кроме того, для Всеволода княжение своего племянника на берегу Керченского пролива было выгодно, так как последний не выражал претензий на Чернигов, где в это время правил Владимир Всеволодович. Этим можно объяснить соответ-

ствующее отсутствие реакции киевского князя на вокняжение Олега в Тмутаракани. Возможно, Всеволоду этот город был мало интересен, так как в 1079 г. он назначил сюда не одного из своих сыновей, а всего лишь приближенного Ратибора.

Также исследователи не отрицают возможность договоренности Всеволода и Олега насчет сложившейся ситуации, доказательством чему может служить бездействие Святославича в течение 1084-1094 гг., когда Всеволод был жив (Левченко 1956: 420; Присёлков 2003: 89).

В 1093 г. последний сын Ярослава Мудрого умер. Владимир Мономах решил остаться в Чернигове, и власть в Киеве перешла Святополку Изяславичу. Однако на следующий год из Тмутаракани с половцами выступил Олег и направился возвращать свою отчину (ПВЛ: 95).

Далее следует интересный пассаж летописца, в котором говорится, что Олег уже третий раз привел на Русь поганых, за что взывает Бог с него, так как много христианских душ было погублено. Что здесь имел в виду автор, неясно. Святославич, судя по летописным известиям, лично возглавлял половцев лишь дважды: в 1078 и 1094 гг. А. В. Гадло утверждал, что после поражения у Нежатиной Нивы он собирался во второй поход, но теперь выступил Роман (Гадло 2004: 286). Таким образом, летописец мог косвенно указать виновника неудачного похода тмутараканского князя в 1079 г.

Можно предположить, что здесь подразумевались обстоятельства похода его брата Романа, который выступил с половцами под влиянием Олега, или то, что Олег и Борис возвращались в Тмутаракань, когда их враги осадили Чернигов (Татищев 1995: 93). Однако, такие домыслы весьма шатки. Подобно им, можно высказать мысль, что вторым приходом половцев на Русь под командованием Олега был и набег 1093 г., непосредственно после которого Святославич и выступил против Владимира (например: Вилкул 2004).

Но вернемся в 1094 г. Олег осаждал город, при этом, видимо, черниговцы были лояльны к Святославичу, поэтому Владимир был вынужден покинуть свое бывшее княжение и

уйти в Переяславль. Чернигов стал отчиной детей Святослава (ПВЛ: 95).

Теперь необходимо задаться вопросом: что же стало с Тмутараканью? Большинство исследователей не без основания считают, что она перешла из-под власти Олега к византийскому императору. На данный момент основным источником по данному вопросу является речь Мануила Ставоромана, посвященная достижениям правления Алексея I Комнина. Среди прочего в ней говорится, что последний присоединил обе стороны Боспора Киммерийского (Керченского пролива) (Литаврин 2000: 281-285). Это свидетельство, кроме того, косвенно подтверждает, что при Олеге Восточный Крым мог находиться под властью русского князя.

Таким образом, Тмутаракань окончательно стала византийской провинцией, практически полностью порвав связи с Русью. В русских источниках этот город не упоминается вплоть до конца XII в., когда в «Слове о полку Игореве» «Тьмутороканьский бльвань» поставлен в конце списка земель неизвестных (Слово: 9-13).

Таким образом, можно сказать, что Тмутаракань являлась своеобразной сферой влияния Чернигова, в которой он столкнулся с Византией и, естественно, проиграл. Это была сфера влияния именно Чернигова, а не Руси. Если взглянуть на известия об этой земле, то видно, что она интересна только черниговским князьям. Все остальные не проявляли к ней интереса. Исключением здесь является Владимир Святославич, при котором Тмутаракань окончательно была подчинена Руси. Но этот факт и не упомянут в летописи. Изгои Ростислав Владимирович, Давыд Игоревич и Володарь Ростиславич, хотя и не были связаны с Черниговом, не представляли интересов других земель. Они были скорее силой, отдаляющей Тмутаракань от Чернигова, но не приближающей к другим.

Отчасти из-за этого можно сказать, что Тмутаракань, несмотря на связь только с Черниговом, не являлась его вотчиной и их отношения не ограничивались лишь вертикальным направлением (Котляр 2001: 192). Не все князья здесь были

назначенцами, которые беспрекословно подчинялись воле метрополии.

Автор: Ашихмин Алексей Алексеевич – магистрант кафедры исторического регионоведения Института истории СПбГУ (Университетская наб. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия). alexseyashihmin@mail.ru

Литература, использованная в статье

- Артамонов 1962 – *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. 520 с.
- Вилкул 2004 – *Вилкул Т. Л.* К портрету Мономаха: тексты и версии // Вестник Удмуртского университета. Серия История. 2004. № 3. С. 3-30.
- Гадло 2004 – *Гадло А. В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004. 362 с.
- Горский 2006 – *Горский А. А.* Земли и волости // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2006. С. 9-32.
- Данилевский 2004 – *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. 383 с.
- Житие – Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. Т. 1: Начало русской литературы (XI – начало XII в.). М., 1978. С. 304-391.
- Кабанец 2005 – *Кабанец Е. П.* К вопросу о роли Тмутараканской епархии в церковной истории Древней Руси конца XI в. // Сугдейский сборник. Вып. 2. Киев-Судак, 2005. С. 105-130.
- Константин 1991 – *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: текст, пер., коммент. / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1991. 493 с.
- Котляр 2000 – *Котляр Н. Ф.* Мстислав Тмутороканский и Ярослав Мудрый // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 134-142.
- Котляр 2001 – *Котляр Н. Ф.* Тмутороканские заботы киевских князей // Норна у источника судьбы: Сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой / Ред. кол.: Т. Н. Джаксон (отв. ред.) и др. М., 2001. С. 191-197.
- Котляр 2005 – *Котляр Н. Ф.* Тмутороканское княжество: реальность или историографический миф? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 г. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 107-118.
- Кривошеев 1993 – *Кривошеев Ю. В.* Пути и труды Владимира Мономаха. СПб, 1993. 84 с.
- Левченко 1956 – *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. 554 с.

Литаврин 2000 – *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. 413 с.

Мавродин 1945 – *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. 432 с.

Майко 2010 – *Майко В. В.* Тмутаракань и Восточный Крым. Основные этапы этно-культурных связей // *Ruthenica*. Т. 9. 2010. С. 37-48.

Ногмов 1994 – *Ногмов Ш. Б.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994. 232 с.

ПВЛ – Повесть временных лет / Под ред. В. Н. Адриановой-Перетц. СПб., 1996. 667 с.

Присёлков 2003 – *Присёлков М. Д.* Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 2003. 246 с.

ПСРЛ, Т. 3 – Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись. М., 2000. 720 с.

Слово – Слово о полку Игореве // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. 1. СПб., 1995. С. 9-14.

Татищев 1995 – *Татищев В. Н.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2-3: История Российская. Ч. 2. М., 1995. 688 с.

Фроянов 1980 – *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. 256 с.

Фроянов, Дворниченко 1988 – *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. 269 с.

Цыганков 2006 – *Цыганков С. А.* Политическое устройство древнерусской Тмутаракани // Вестник Удмуртского университета. № 7. История. Ижевск, 2006. С. 117-123.

Чхаидзе 2006 – *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.): Очерки историографии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 6. Армавир, 2006. С. 139-174.

Чхаидзе 2007 – *Чхаидзе В. Н.* Феофано Музалон архонтисса России. К вопросу об идентификации // Византийский временник. Т. 66 (91). М., 2007. С. 155-170.

Чхаидзе 2011 – *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань в XI в. и Восточный Крым // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза: мат. конф., Москва, 19-21 апреля 2011 г. М., 2011. С. 314-319.

Чхаидзе 2012 – *Чхаидзе В. Н.* Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X - 90-е гг. XI в. // Сугдский сборник. Вып. 5. Киев-Судак, 2012. С. 251-270.

Якобсон 1950 – *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.). М.; Л., 1950. 258 с.

Information about the article

Author: Ashikhmin Aleksey Alekseevich – graduate student, Institute of History, Saint Petersburg state university (7-9, Universitetskaya nab., St.Petersburg, 199034, Russia). alexseyashihmin@mail.ru

Title: Historical relations of Chernigov and Tmutarakan.

Summary: The article is devoted to the problem of communication between Chernigov, one of the largest cities of Ancient Rus, and Tmutarakan, the study of which is still a point at issue. An attempt was made to determine the causes of forming and development of relations between the two territories in the XI century. In this connection, the modern historiography of the Tmutarakan history was examined. The influence of the Rurikovichs over this land is questioned nowadays. It was concluded that it is difficult to call Tmutarakan just one of the principalities of Chernigov, as Tmutarakan princes were not always appointees obeying the center unquestioningly. At the same time, a certain force of attraction existed between the two cities.

Key words: Chernigov, Tmutarakan, Old Rus.

References (transliteration)

Artamonov M. I. *Istorija hazar*. [The History of Khazars] Leningrad, 1962. 520 p. (In Russian).

Vilkul T. L. K portretu Monomaha: teksty i versii [To the portrait of Monomach: texts and versions]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija*. 2004, no. 3, pp. 3-30. (In Russian).

Gadlo A. V. *Predistorija Priazovskoj Rusi. Očerki istorii russkogo knjazhenija na Severnom Kavkaze* [Prehistory of the Azov Rus'. Essays of the history of Russian rule in the North Caucasus]. St.Peterburg, 2004. 362 p. (In Russian).

Gorskij A. A. Zemli i volosti [Lands and volosts], in: *Drevnjaja Rus'. Očerki političeskogo i social'nogo stroja*. Moscow, 2006, pp. 9-32. (In Russian).

Danilevskij I. N. *Povest' vremennyh let: germeneticheskie osnovy izučeni-ja letopisnyh tekstov* [The Tale of the Beyond Years: hermeneutic principles for study of the annalistic texts]. Moscow, 2004. 383 p. (In Russian).

Zhitie Feodosija Pecherskogo [The hagiography of Theodosius of the Caves], in: *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi*. Vol. 1. Moscow, 1978, pp. 304-391. (In Russian).

Kabanec E. P. K voprosu o roli Tmutarakanskoj eparhii v cerkovnoj istorii Drevnej Rusi konca XI v. [At the question of role of Tmutarakan diocese in the ecclesiastical history of the Old Rus' of the late XI century]. *Sugdejskij sbornik*. 2005, iss. 2, pp. 105-130. (In Russian).

Konstantin Bagrjanorodnyj. *Ob upravlenii imperiej: tekst, per., comment* [On the Governance of the Empire: text, translation, comments]. Moscow, 1991. 493 p. (In Russian).

Kotljars N. F. Mstislav Tmutorokanskij i Jaroslav Mudryj [Mstislav of Tmutarakan and Jaroslav the Wise], in: *Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy. 1998 g.* Moscow, 2000, pp. 134-142. (In Russian).

Kotljars N. F. Tmutorokanskije zaboty kievskih knjazej [The Tmutorokan Cares of the Kievan princes], in: *Norna u istochnika sud'by: Sb. st. v chest' E. A. Mel'nikovoj* [Norna at the source of fate: Collection of articles in honor of E. A. Melnikova]. Moscow, 2001, pp. 191-197. (In Russian).

Kotljars N. F. Tmutorokanskoe knjazestvo: real'nost' ili istoriograficheski mif? [The Principality of Tmutorokan'; reality or historiographic myth?], in: *Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy. 2003 g.* Moscow, 2005, pp. 107-118. (In Russian).

Krivosheev Ju. V. *Puti i trudy Vladimira Monomaha* [Ways and works of Vladimir Monomach]. St.Petersburg, 1993. 84 p. (In Russian).

Levchenko M. V. *Očerki po istorii russko-vizantijskih otnošenij* [Essays about the history of Russian-Byzantine relations]. Moscow, 1956. 554 p. (In Russian).

Litavrin G. G. *Vizantijska, Bolgarija, Drevnjaja Rus' (IX – nachalo XII v.)* [Byzantium, Bulgaria, Old Rus' (9th – beginning of the 11th century)]. St.Petersburg, 2000. 413 p. (In Russian).

Mavrodin V. V. *Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva* [The foundation of the Old Russian State]. Leningrad, 1945. 432 p. (In Russian).

Majko V. V. Tmutarakan' i Vostočnoj Krym. Osnovnye jetapy jetno-kul'turnyh svjazej [Tmutarakan and the East Crimea. The main stages of the ethno-cultural relations]. *Ruthenica*. 2010, vol. 9, pp. 37-48. (In Russian).

Nogmov Sh. B. *Istorija adyhejskogo naroda, sostavlenaja po predanijam kabardincev* [History of the Adyghe people, based on the legends of the Kabardians]. Nalchik, 1994. 232 p. (In Russian).

Povest' vremennyh let [The Tale of the Beyond Years]. St.Petersburg, 1996. 667 p. (In Russian).

Prisjolkov M. D. *Očerki cerkovno-politicheskoj istorii Kievskoj Rusi X-XII vv.* [Essays of the church and political history of Kievan Rus' X-XII centuries]. St.Petersburg, 2003. 246 p. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [The full collection of Russian chronicles]. Moscow, 2000. Vol. 3. 720 p. (In Russian).

Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign], in: *Jenciklopedija «Slova o polku Igoreve»*. St.Petersburg, 1995, vol. 1, pp. 9-14. (In Russian).

Tatishhev V. N. *Sobranie sočinenij* [Collected works]. Moscow, 1995. Vol. 2-3. 688 p. (In Russian).

Frojanov I. Ja. *Kievskaja Rus': Očerki social'no-politicheskoj istorii* [Kievan Rus'. Essays of social and political history]. Leningrad, 1980. 256 p. (In Russian).

Frojanov I. Ja. Dvornichenko A. Ju. *Goroda-gosudarstva Drevnej Rusi* [Cities-states of Old Rus']. Leningrad, 1988. 269 p. (In Russian).

Cygankov S. A. Politicheskoe ustrojstvo drevnerusskoj Tmutarakani [Political structure of old-russian Tmutarakan']. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya*, 2006, no. 7, pp. 117-123. (In Russian).

Chhaidze V. N. Tmutarakan' (80-e gg. X v. – 90-e gg. XI v.): Oчерki istoriografii [Tmutarakan' (980s – 1090s). Essays of historiography]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza*. 2006, iss. 6, pp. 139-174. (In Russian).

Chhaidze V. N. Feofano Muzalon arhontissa Rosii. K voprosu ob identifikacii [Theophano Muzalon, archontess of Rosii. To the question of identification]. *Vizantijskij vremennik*. 2007, vol. 66 (91), pp. 155-170. (In Russian).

Chhaidze V. N. Tmutarakan' v XI v. i Vostochnyj Krym [Tmutarakan' in the 11th century and the East Crimea]. *Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Rannie gosudarstva Evropy i Azii: Problemy politogeneza: mat. konf., Moskva, 19-21 aprelya 2011 g.* [The East Europe in antiquity and middle ages. Early states of Europe and Asia. Problems of politogenesis. Conference proceedings, Moscow, April 19-21, 2011]. Moscow, 2011, pp. 314-319. (In Russian).

Chhaidze V. N. Tmutarakan' — vladenie Drevnerusskogo gosudarstva v 80-e gg. X - 90-e gg. XI v. [Tmutarakan' – domain of Old-Russian State in 980s – 1090s]. *Sugdejskij sbornik*, 2012, vol. 5, pp. 251-270. (In Russian).

Jakobson A. L. Srednevekovyj Hersones (XII-XIV vv.) [The mediaeval Chersoneses (XII-XIV cc.)]. Moscow; Leningrad, 1950. 258 p. (In Russian).